Океан Ельни, или Почему, глядя на мир, непременно нужно удивляться

Что такое Ельня, чисто теоретически я знал. Щелкнул пару раз мышкой — и, пожалуйста, вот она, информация. Гласящая, что гидрологический заказник республиканского значения «Ельня» — это не-освоенное верховое болото общей площадью 25,3 тысячи гектаров, образовавшееся на месте озера у реки Дисны. Водно-болотные эти угодья, а их, между прочим, называют легкими Европы, восемь лет назад получили статус международного значения, так называемой рамсаарской территории. Озер в заказнике целых тридцать пять, живут и гнездятся здесь редкие «краснокнижные» виды пернатых, флора здешняя также почти сплошь «краснокнижная» и так далее. Плюс еще один штрих – после того как священник Николай Рундо рассказал мне, как во время блокады фашисты расправлялись здесь с мирными жителями, Ельнинское болото стало почему-то ассоциироваться у меня с героиней культового фильма «А зори здесь тихие» Лизой Бричкиной – она, если помните, в жуткой болотной трясине и утонула.

Поэтому, когда директор заказника Петр Боголей, вызвавшийся быть нашим провожатым в коротком путешествии по болоту, стал извлекать из багажника «Нивы» сапоги-болотники, непромокаемые куртки и баллончики с репеллентами, стало ясно, что избежать знакомства с «чертовыми окнами», от души надышаться болотными миазмами и испарениями, вдоволь попоить своей кровушкой комаров, вряд ли удастся. Петр Иванович, невысокий, с несмываемым загаром на лице мужчина, наши опасения развеивать никак не собирался, лишь улыбался загадочно в густые черные усы.

Комар здесь действительно оказался лютым. Едва мы ступили под сень густого ельника, через который лежал путь к болоту, как он тут же зазвенел, завыл, запел, загудел на разные голоса, безошибочно отыскивая на теле места, куда репеллент не попал. Мы с коллегой, беспорядочно отмахиваясь, ломанули было по лесу, как лоси по кукурузе, так бы по нему и промчались, ничего не увидев, если бы не Петр Иванович.

— Тихо, мальцы. Смотрите сюда.

Мы до рези в глазах всматриваемся в густую траву, ничего в ней не видим, а Петр Иванович, досадливо покрутив головой (ох уж мне эти горожане!), делает шаг вперед и извлекает из травы настоящее чудо – маленького серенького… детеныша европейской косули. Малыш сначала дрожит от страха, а потом, чуть освоившись в руках человека, робко подает голосок, зовет, никак, потерявшуюся мамку. Так, слышим через мгновение, встревоженно отзывается из ближайших кустов, и мы после коротко фотосессии ребеночка к ней отпускаем. Пустячок вроде, а на душе как-то посветлело, а руки по-прежнему чувствуют тепло маленького дрожащего комочка.

Похоже, нечаянная эта встреча стала для нас хорошим предзнаменованием, потому что именно после нее все наши страхи улетучились, а болото, по которому мы с некоторой пока опаской сделали первые шаги, оказалось не таким страшным, как его малюют. Да, сыро, да вода, но если ступать вслед Петру Боголею, то и в сапоги ее не наберешь, а возникающий иногда легкий «зыбун» под ногами как-то даже не пугает. Комаров, прочей болотной нечисти нет и в помине, воздух так свеж и чист, что виски ломит. И фантастической красоты пейзаж вокруг – мшистая поверхность, редкие силуэты деревьев и белый-белый ковер цветущей пушицы альпийской. На бледно-зеленых кочках щедро рассыпана и прошлогодняя еще клюква и уже зацветает новая – мелкие, с фиолетовым отливом ее цветочки я, честно говоря, вижу впервые в жизни. И росянку, хищное растение, которое приманивает насекомых клейкой пахучей жидкостью, что капельками блестит на кончиках листочка, тоже бы не увидел, если бы Петр Иванович не показал — нет, увы, у человека урбанизированного привычки смотреть на мир, под ноги, в том числе широко раскрытыми глазами.

Еще пару таких штрихов, когда интересные открытия сыплются на тебя как

из рога изобилия и ты понимаешь, как же нам повезло с сопровождением. Петр Иванович не живет, хотя, случается, неделями с него не вылезает, на болоте, он живет болотом. Знает не то что каждый его уголок на двухстах с чем-то гектарах, знает все 192 вида сосудистых и 134 вида травянистых растений, все 50 видов лишайников и 24 – мхов и, я так подозреваю, сможет без проблем классифицировать по всем 149 видам даже мотыльков. Слушаешь же его разинув рот, потому что уз-наешь вещи, которые так никогда и не узнал бы. Вот почему, к примеру, это болото называется верховым? А потому, что возникло оно не во впадине, а возвышается этаким двойным куполом над поверхностью земли на целых восемь метров. Строительный материал купола – все, что росло здесь последние десять тысяч лет и постепенно превратилось в торф. И тоже ведь непросто превратилось – болото поглощает углекислый газ (кстати, гектар болота делает это с интенсивностью в пять раз больше, чем гектар леса), который и участвует в создании торфа. А он в свою очередь покрыт густым слоем мха-сфагнума, который влагу держит, как губка, — если же мох содрать, уничтожить, торф минерализуется, высыхает и человек получает пороховую бочку огромных размеров, которая если рванет, то мало не покажется.

— Повторяю для вас вопрос, который был однажды задан знатокам в передаче «Что? Где? Когда?»: откуда брали воду моряки, отправляясь в плавание? Время пошло, — интригует в конце своей импровизированной лекции Петр Боголей.

Через минуту мы признаемся в позорном своем невежестве, а Петр Иванович раскрывает секрет: брали из… болота.

— Болото – это мох. Мох – это сфагнум. Сфагнум – это антисептик, — выстраивает совсем, как оказалось, простую логическую цепочку директор. – А в озерах вода хоть и темная, но очень чистая. Мягкая, практически без солей – здешний окунь, а экземпляры есть будь здоров, чистится поэтому так же легко, как плотва. Водой этой не напьешься; если идешь на болото в долгий поход, для утоления жажды лучше взять соленый огурец.

Так, в интересных беседах и поминутных охах по поводу очередных открытий мы вышли на берег озера Купистое. Почему оно так называется, понять нетрудно: водная гладь сплошь усеяна небольшими островками (купінами, калі па-беларуску). На каждом практически – деревцо, а на нем – гнездо. Здесь – царство птиц. Глядя в бинокль, Петр Иванович только успевает перечислять то, что увидел: чайка сизая, чайка серебристая, хохлатая чернять, гаршнеп, кроншнеп, кулики и чирки…

— Жалко, чернозобой гагары не видно. Редчайшая, скрытная и очень интересная птица — ходить не умеет, только летает. В послегнездовой период именно здесь концентрируются гусь-гуменник, свиязь, трескунок, шилохвость, крохали и исчезающая с лица планеты пискулька. А серого журавля осенью, перед отлетом, здесь бывает до 2—3 тысяч особей.

Да, позволю себе перефразировать классика: глядя на Ельню, нельзя не удивляться – такого биоразнообразия, таких, по научному выражаясь, биотопов, характерных, к слову, для тундры (недаром, кроме традиционной брусники и клюквы, здесь растет еще и морошка), вряд ли где увидишь.

Мы видим, мы удивляемся. И удивляемся еще больше, когда Петр Иванович ошарашивает нас заявлением о том, что ходим-то по болоту с явными признаками деградации. Оказывается, в 2002-м, а потом и в 2006 году здесь прокатились опустошительные пожары – обгоревшие деревья, которые мы видим во множестве, тому свидетельство. Пожары эти, как и все остальные, от рук человеческих пошли. Вероятнее всего, от кем-то брошенной спички. Но она в этой ситуации лишь следствие, причина значительно глубже, корнями своими уходит в глубь десятилетий. В тридцатые годы прошлого века через все болото был проложен канал, соединивший все озера и ливший воду на многочисленные тогдашние мельницы. Их давно нет, канал остался и ежесекундно выкачивает из болота до… 200 литров воды. Сколько ее за эти годы ушло, подсчитать трудно, но уровень воды на болоте понизился очень даже заметно. Дальше все просто – высохший, поросший

смолистым вереском мох, та самая спичка и все…

К счастью, для Ельни все должно закончиться хорошо, план ее спасения разработан, солидные деньги под это выделяют структуры ООН и Евросою-за. В принципе, все просто – канал перегораживается плотиной, уровень воды поднимается, восстанавливается гидрологический режим, и болото оживает – исчезают тот самый верес и кукушкин лен, березки, которым, оказывается, здесь совсем не место. Таких плотин уже построено, и добровольцами-волонтерами, и мелиораторами, немало, строятся они сейчас, будут строиться в будущем. А это в конечном итоге значит, что огромный, неповторимый по красоте и населенности океан (а болота в мире называют пятым океаном) по имени Ельня будет спасен и любоваться им смогут и те, кто будет после нас.

P.S. А день наш как с чуда начался, так чудом и закончился – в лесу уже чуть ли не прямо в руки Петру Боголею свалился… совенок.

М.Кучко

Источник: Рэсп.-2010.-17 чэрв.(№ 111).-С.4.